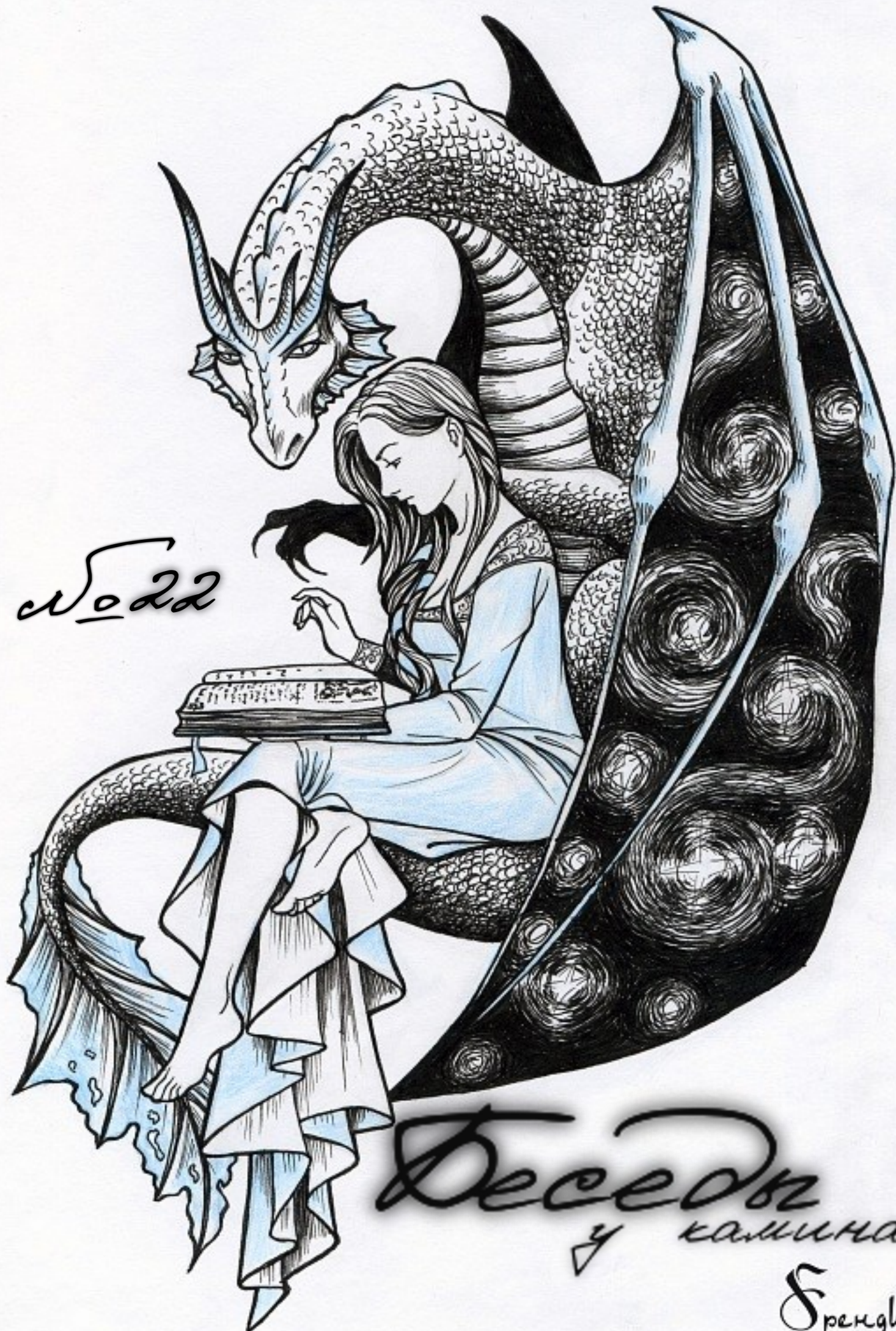

№ 22

Беседа
у каминна
Френк

Содержание

Рубрики

От Редакции	<u>2</u>
Публицистика	
Дарья Кошечая. Маленький герой 2	<u>19</u>
Благодарности	<u>34</u>
Контакты	<u>34</u>

Проза

Вадим Сазонов	<u>7</u>
Андрей Евсеенко	<u>26</u>

Стихи

Виктор Игнатиов	<u>3</u>
Анна Скирдина	<u>4</u>
Надя М	<u>4</u>
Анна Чулкова	<u>5</u>
Татьяна Акулова	<u>17</u>
Дарья Коловангина	<u>24</u>
Александр Савостьянов	<u>33</u>

Рисунки

Александра Михасик	<u>Обложка, 6, 16, 18, 23, 25, 32</u>
--------------------	---------------------------------------

Здравствуйте, дорогие читатели!

Вы только что открыли очередной номер нашей газеты в надежде.... А в надежде на что? Наверняка на хорошие тексты и новые имена. Без них никуда, и мы исправно ищем их для вас. Что конкретно ждет вас в очередном номере?

Прежде всего, новый художник. Очень уж редко они появляются у нас, тем интереснее и важнее это событие. Приветствуем: Александра Михасик, талантливый и самобытный автор, рисунки которого и украсили 22 номер.

Кроме того, вы сможете прочитать продолжение статьи Дарьи Кошевой «Маленький герой». Во второй части Дарья постаралась рассмотреть образ ребенка на конкретных примерах, с выделением используемых приемов. На наш взгляд, это очень полезная информация для авторов, да и для читателей. Иногда интересно посмотреть, как авторы получают тот или иной эффект.

В остальном, все как обычно: новые авторы, яркие тексты. Кстати, чуть не забыли упомянуть: настала очередь рубрики «Выбор читателя». Тексты из этой рубрики помечены значком «ВЧ».

Приятного чтения!

Всегда ваша, редакция БУКа!

Виктор Игнатиков

А венок лесной куда-то...

Крылья

Тихий скрип уключин ржавых...
Берег в блёстках на траве...
Я на вёслах, парень бравый...
Ты с венком на голове.

Небосвод дырявым зонтом,
Метеора полоса,
Две луны у горизонта
И дорожка в небеса.

Ты резвишься. Ты шутикуешь.
За корму летит венок.
"Расскажи, река, какую
Жизнь готовит мне дружок?

Покажи, какой он с виду?
От нелюбого спаси!
Не держи ко мне обиду,
Да ему венок снеси!"

А в глазищах — чертенята,
Локон — рогом на виске...
И венок лесной куда-то
Уплывает по реке...

У большинства
как это
пишут в книгах
Есть всё, что надо
в жизненном пути:
Покрепче лоб,
да посолидней фигура —
Чем мир долбить,
что под нос поднести.

А мне зачем-то
Бог подсунул крылья.
И вот они
лежат который год,
Распотрошились
и покрылись пылью,
Не нужные,
как чёрту — вертолёт.

Нанюхаешься
кукишей под носом,
Насмотришься
на лбов литой металл,
Разворошишь
чуланные отбросы,
Найдёшь — взгрустнёшь:
когда-то ведь летал!

И затоскуешь —
сердце в небо рвётся,
Душа торопит
снова их надеть,
И хочется лететь.
Пусть, как придётся,
Пусть в пропасть,
хоть секунду,
но лететь!

Анна Скирдина

С тобой

С головою дурною не просто,
Но вот с сердцем хмельным сложней
И корявые наши точки
Растекаются до полей.

Небо лунное в утешение
Посидеть, помечтать, помолчать.
На бесчисленных звёзд падение
Может счастья тебе загадать?

Что лукавить? Мы странные люди!
Каждый выдумал сказку свою.
Мы друг в друге как отражения.
Не зови больше в сны.
Не пойду.

Александра Зорин

Мне нравится дождь.
Я люблю под дождём танцевать
И в лужи, кружась, наступать
Босыми ногами. По мягкой траве
Я бегу рассказать тебе,
Как тёплым июньским днём
Танцевала с дождём.

Я слушаю с закрытыми глазами

Я слушаю с закрытыми глазами,
Как раскалённый ярко-красный шар
Уходит в воду, обливается волнами
И задыхаясь в них, шипит, пуская пар.

Я слушаю с закрытыми глазами,
Как в тесном небе ходят облака
Как сталкиваются они боками,
И трут ушибы, чтоб без синяка...

Я слушаю с закрытыми глазами,
Как плачет лес, укутавшись в туман.
Как больно изрубили топорами...
Сочится кровь из незаживших ран.

Я слушаю с закрытыми глазами.
Не то чтоб мне открыть не по плечу...
Мешается реальный мир со снами
И многое я видеть не хочу.

Анна Чулкова

Нирвана

Опасная игра

Мы сидим на ковре с мягким ворсом.
Пахнет мускусом с нотой лимона.
Твои волосы — знаки вопроса
Скачут дерзко и неугомонно.

Тени-отблески в прятки играют
И хохочут, как малые дети.
Щеки легким румянцем пылают,
Грудь пронзает стальное мачете.

Бровь изогнута сонною кошкой.
Брызги света в ресницах таятся,
Мы уже задержались немножко:
На настенных часах ровно двадцать.

Но теперь это больше не важно —
Мы стираем пространство и время,
И в глазах твоих теплых и влажных
Есть ответы на все теоремы.

Вьемся трепетно южной лианой,
Тянем к солнцу мы жадно ладони.
За окном вечер терпкий и пьяный
Спелой вишней заката укроет.

Тусклый блик лампа робко роняет
На квадратную плоскость дивана.
Нас с тобою в чарующем мае
С головой накрывает нирвана.

Игра в «Кошки-мышки» тянулась годами.
Охотник и жертва устали от гонки.
Резерв истощили, сорвали заслонки,
И оба бессильно легли на татами.

Закончились силы удерживать маску.
Внутри сердце скачет как теннисный мячик,
Неверной стратегии явный образчик:
Повержены оба — двойное фиаско.

Теней рьяный танец в проекции света.
Развенчаны мифы, раскрыты секреты.
Из темных шкафов извлекли все скелеты.
За грех ожидает расплата — вендетта.

Угрюмые лица случайных прохожих.
Унылые мысли наш разум тревожат.
Дела неотложные хлопоты множат,
Все дни-близнецы друг на друга похожи.

А раньше игра нам казалось забавной —
Смотрели на мир через призму фантазий.
Не ждали-не ведали смут и okazji.
Победа в игре стала целью заглавной.

Теперь — все иначе. Теперь стало ясно,
Что точки легко превратить в запятые.
Не стоит давить на крючки спусковые:
Играть в эти игры смертельно опасно.

Автор рисунка:

Александра Мухомов

Принцип равновесия, или дубль 2

Эпизод 1. Дубль 1.

Больничная палата представляла собой комнату метров тридцати с высоким покрытым потрескавшейся побелкой потолком и двумя узкими окнами, в которые равнодушно заглядывало низкое серое ленинградское небо, поплевывавшее на стекла мокрым снегом. Одна из ламп дневного света моргала и потрескивала.

Мама сидела на своей койке, опираясь спиной на прислоненную к стене подушку. Седые, плохо расчесанные волосы обрамляли исхудавшее лицо, измученный взгляд устремлен сквозь стекла очков в серебристой проволочной оправе на небо за окном. Помолчав, она вдруг встрепенулась:

— Ой, да ладно, Павлик, что мы все обо мне. Расскажи-ка, как у тебя-то дела? — мать наклонилась вперед и погладила его по плечу.

Павел в накинутом на плечи белом халате, сидел на единственном в палате стуле, стараясь оказаться одновременно спиной ко всем маминым соседкам, слишком больно было смотреть на немощь, боль и заброшенность.

— Все хорошо, мама. Через неделю расширенный семинар, а там уже недолго и до защиты.

— Ой, дай Бог, дай Бог! Вот папка бы был счастлив. Сын — ученый! Вот бы он радовался! Ох-ох-ох! — тяжело вздохнула она, зябко запахнув ворот выцветшего, линялого больничного халата.

Она помолчала, потом опять вздохнула, мысль ее метнулась от воспоминания о муже к воспоминанию о профессорской старой огромной квартире в центре города:

— Вот беда-то! Как же это я поторопилась!

— Ты о чем, мам? — удивился Павел.

— Да все о папкиной квартире последнее время думаю. Поторопилась же ее разменять. Хотелось-то, как лучше, чтобы не мешаться вам с Верой, а вышло-то вон как. Как говориться, знать бы, где упадешь, соломки бы и подстелил бы.

— Что получилось? Все образуется, будешь жить...

— Недолго осталось, а квартирка-то моя новая государству-то и отойдет. Вот беда-то! Не поторопилась, была бы у вас с Верой большая папкина квартира.

— Мама, не говори глупости! Вылечишься, все будет хорошо, будем к тебе в гости ездить. Вот найду деньги на лекарство!

— Да откуда ж!? — но Павел заметил промелькнувшую в маминых глазах отчаянно слабую надежду: — Мне ж Семенович-то сказал, сколько они стоят. У нас таких деньжищ в жизни не было, даже, когда папка был жив, — надежда растворилась в набежавшей в углу глаза непрошенной слезе.

— Найду! — он говорил уверенно, то ли пытаясь убедить в этом мать, то ли себя.

Только сегодня, перед тем как зайти в палату, он говорил с Семеновичем (Сергеем Семеновичем) — молодым, но, как все вокруг говорили, подающим огромные надежды маминым лечащим врачом. Тот опять напомнил, что до отъезда его друзей на какой-то там симпозиум осталось меньше месяца. Вся надежда была на них: они могут купить во Франции и привезти это замысловатое лекарство, без которого никакой надежды на мамино выздоровление не осталось. Здесь, в Союзе, такого лекарства не найдешь.

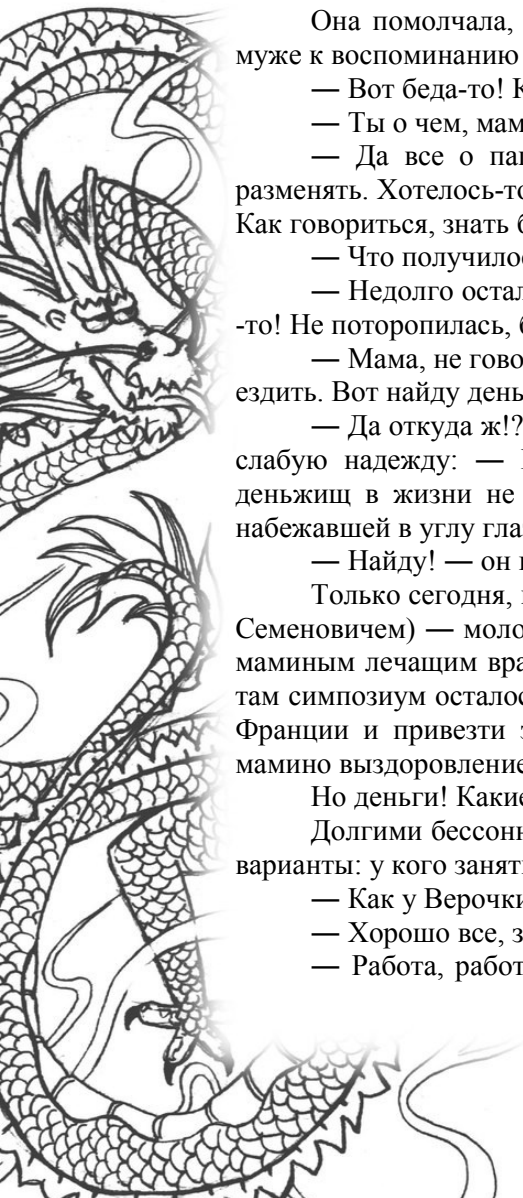
Но деньги! Какие огромные деньги!

Долгими бессонными ночами Павел перебирал все возможные, да и невозможный варианты: у кого занять, что продать, но где там — так и половины суммы не наберешь!

— Как у Верочки дела? — перебила его мысли мама.

— Хорошо все, здорова, работа нравится.

— Работа, работа! — ворчливо повторила мама: — Все работа, а маленького

когда? Так и не суждено мне внука повидать, так и не успею... — она замолчала, опять отвернувшись к окну.

— Мама, опять ты! — Павел поморщился от напоминания о болезненной для него теме: — Семенович же говорил, что шансы большие, что нельзя отчаиваться.

— Помню, помню. Это я так, устала видать. Тебе-то не пора?

— Скоро пойду. Сегодня вечером еще в институт надо. Там вечернее время у меня на ВЦ.

— Ну, так и иди, а то отдохнуть не успеешь.

Эпизод 2. Дубль 1.

Присев на стул рядом с гардеробом, Павел переобулся, засунул стоптанные домашние тапочки в портфель между двумя объемистыми пачками перфокарт, оделся, надвинул на лоб шапку и вышел на улицу. Резкий январский ветер пробрался под пальто, кинув в лицо мокрые хлопья вперемешку с дождем.

Трамваем он добрался до института, который встретил его известием о временном отключении электроэнергии и переносе запланированного для Павла машинного времени с вечера на ночь.

Послonyaвшись по коридорам, перекинувшись несколькими словами с приятелями, Павел отправился домой, надеясь подремать перед ночным бдением в вычислительном центре.

Войдя в прихожую, он споткнулся о стоявшую на полу сумку, в дверях комнаты появилась одетая в пальто Вера, в руках она держала стопку сложенной одежды:

— Ты!? — на лице ее удивление сменилось смятением.

— А ты что здесь? — не менее удивленно спросил Павел.

Вера первой пришла в себя от неожиданности встречи:

— Ну, раз уж так получилось, давай поговорим, — вздохнула она, бросила одежду на сумку, прошла на кухню, сняла вязаную шапочку и присела на табуретку у подоконника.

Павел последовал за ней и остановился в дверях, прислонившись к дверному косяку.

— Я уйду, — не поднимая глаз сказала Вера, стряхивая со стола несуществующие крошки

— Ты ...

— Я уйду от тебя, — решительно продолжала Вера, как будто боясь не сказать того, что должна была сказать, не давая себя перебивать: — Я уйду совсем. По-другому быть не может! Я это окончательно решила! Ох, Пашенька, ...— она вдруг замолчала, опустила плечи и тихо заплакала.

Павел сделал шаг вперед, опустился на табуретку и взял в ладони Верину руку:

— Как же так? — тихо спросил он.

— Так получилось.

— Кто он?

— Федор.

— Федька!? Как же так?

— Так получилось.

— Давно?

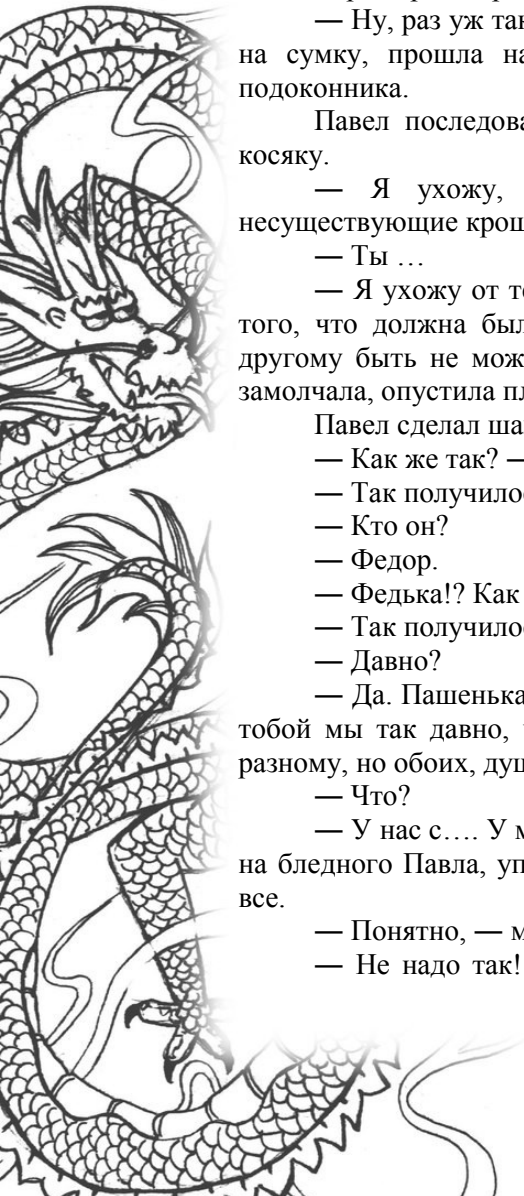
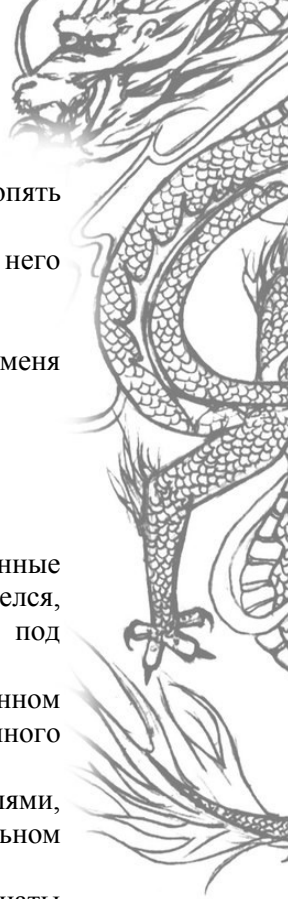
— Да. Пашенька, мне и тебя... Я и тебя.... Не могу я.... Не могла я разорваться, с тобой мы так давно, что кажется, что всегда. Мне кажется, я вас обоих люблю, по-разному, но обоих, душа разрывается. Такие это муки были! Но теперь уже так нельзя.

— Что?

— У нас с.... У меня будет ребенок, — она решила поднять голову и посмотрела на бледного Павла, упершегося невидящим взглядом в узор клеенки: — А это решило все.

— Понятно, — медленно промолвил Павел: — Мне уже не тягаться.

— Не надо так! Паша, прости, но я не могу по-другому. Ты же знаешь, для

меня это единственный выход, я не смогу отказаться от этого.

— Да, — сколько лет он обследовался, лечился, но все напрасно, не суждено его маме стать бабушкой, сколько бы она об этом не молила того, который то ли есть, то ли нет.

— Не упрятал ты меня, — опять вздохнула Вера: — Разве же могла я представить, что такое случится. Это было немыслимо для меня, вся жизнь — это ты. Сколько помню, всегда ты был.

Это было похоже на действительность. Росли они на одной улице, но в разных дворах, ходили в один детский садик, а вот Федор ходил в другой, хотя и жил с Павлом в соседних квартирах. В школе же было все наоборот: Павел и Федор сидели за одной партой, а Веру родители (мама — библиотекарша, папа — водитель трамвая) чудом пристроили в школу с «языковым уклоном», и казалось бы знакомству на этом и закончиться бы, ан нет. Решили Пашины родители, что необходимо их сыну, профессорскому ребенку, знать иностранный язык и стали водить его в кружок, в котором рядом с ним опять оказалась Вера. Кружок этот продолжался вплоть до десятого класса, и, если первые годы к концу занятий за Верой и Павлом приходили мамы, и разводили их по разным улицам, то ближе к середине школьной поры они стали ходить домой самостоятельно. И как-то естественным образом получилось, что Павел сначала провожал Веру, а потом уже бежал домой. И в этом не было ничего особенного — они дружили с детского садика и ничего более, им было о чем поговорить, они вообще привыкли к обществу друг друга, понимали друг друга с полуслова, имели длительные (соизмеримые с длительностью их жизни) совместные воспоминания.

Павел никогда не смог бы сказать, в какой момент их отношения изменились и переросли во что-то большее, чем беседы и прогулки, когда сердце начало сбиваться с ритма при встречах, когда начали томительно тянуться часы разлук. Но это произошло.

И тогда он начал суеверно прятать Веру от друзей и знакомых. Она не знала никого из его друзей, потому что в детстве это было невозможно из-за того, что жили они в разных дворах и им не позволялось самостоятельно пересекать дорогу, а позже уже сам Павел избегал появляться с Верой в компаниях своих товарищей.

Постепенно, на протяжении долгих лет, развивающиеся отношения не привели к бурной страсти, были ровными, спокойными, лишенными ссор и вспышек, но были наполнены нежностью и неминуемо привели к свадьбе и годам совместной жизни. Даже было трудно определить, кем они, Павел и Вера, были больше: любовниками или братом и сестрой?

И вот всему этому пришел конец.

Павел не мог себе представить, как же они будут отдельно. Разве это возможно? Нет, он даже не был зол на Веру за измену, он просто не мог осознать, что сейчас она выйдет из квартиры и больше в ней не появится. Что не с кем будет ему говорить, некого будет выслушивать, не с кем будет обсуждать происходящие события. И это не то чтобы его пугало, а просто не поддавалось осознанию.

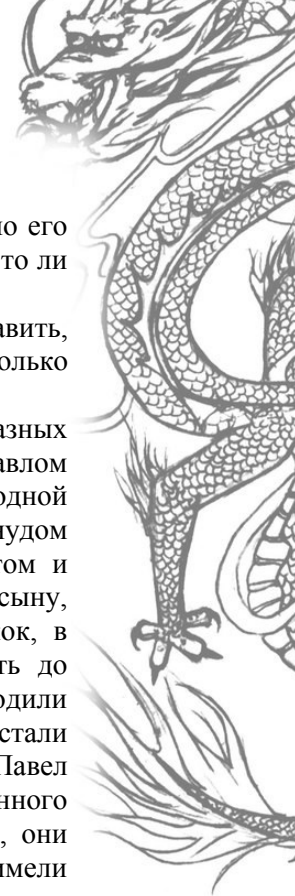
— Как же Федька мог!? — вдруг нашел он вопрос, который, как казалось, можно обсудить и как бы отвлечься от основного: а что же дальше? Как теперь жить?

— Пашенька, он не виноват, так получилось, нас как будто захлестнуло что-то...

Это «что-то», видимо, и было тем самым, что так и не появилось в их отношениях, развивавшихся долго, мирно и предрешило. Это «что-то», видимо, и является тем, что заставляет человека так решительно ломать ход жизни себе и другим. Это «что-то» способно заставить человека начать все сначала, броситься из спокойного течения в бурный поток, даже не задумываясь о последствиях и ранах наносимых близким, понимая, что упусти он сейчас это «что-то» и уже никогда не простит себе этого. Будет всю оставшуюся жизнь маяться мыслью об упущенном и не сможет заглушить эти мысли, уверяя себя, что жертва принесена на алтарь долга и заботы о ближних.

Она решительно встала, поняв, что, промедлив еще немного, уже не сможет уйти, так все было привычно, спокойно, определенно и предсказуемо.

Первый антракт

Выйдя из дверей теплого метро, Павел поплелся в сторону института, низко наклонив голову, чтобы лицо не залепили гонимые ветром мокрые хлопья снега. Ноги мгновенно намокли, проваливаясь в жидкую мокрую снежную кашу.

Остановившись перед светофором на переходе, он увидел, манящую в темном заметеленом вечернем городе, вывеску «Рюмочная». Неоновая вывеска, припорошенная снегом, показалась нереальной, мерцающей и ассоциирующей с многообещающим волшебным входом в сказку. А, кроме того, мокрые ноги и пережитый удар судьбы неотвратимо наводили на мысль о паре рюмок водки, а уж никак ни о предстоящей работе.

Зал рюмочной находился в неярко освещенном полуподвале: несколько высоких столиков и узкий прилавок с застекленным холодильником.

Заказав сто граммов водки и яйцо под майонезом, Павел огляделся, ища свободного места. За всеми столиками стояли по три-четыре человека, и только за одним, расположенным под узким окном, за которым торопливо мелькали ноги прохожих, стоял одинокий посетитель: высокий худой абсолютно лысый мужчина в длинном изрядно потертом кожаном пальто.

— Позвольте? — подошел Павел.

— Располагайтесь, — мужчина подвинулся к стене и перекинул со столика на высокий подоконник свою мокрую старую кепку.

— Ну и погодка, - вздохнул Павел, ставя посуду на столик.

— Не радуется, - согласился сосед: - Согреться решили? — кивнул он головой на рюмку.

— Да. Хотя бы так. А, вообще, просто настроение тошное. От меня жена ушла, — вдруг, неожиданно для себя, признался Павел.

— Бросила? — сочувственно спросил мужчина.

— Нет, ушла.

— Это уже терминология.

— Как посмотреть.

— Как не смотри, а результат один. Да вы выпейте, а то зазря отвлекаю.

Павел опрокинул в рот водку и попытался разломить вилкой скользкую половинку яйца на тарелочке.

— Да, не радостный вечерок, — продолжал сосед: — Наверное, надо бы повторить. Он отошел к прилавку и вернулся с двумя рюмками.

— Давайте, выпьем, чтобы исполнялось все, что нам больше всего хотелось бы, — предложил он.

Павел согласился.

Беседа текла неспешно, рюмки на столике появлялись регулярно.

Разговор зашедшей о здоровье привел к теме болезни матери Павла, он рассказал и о проблеме с импортным лекарством и о своих тревогах за мать.

Мужчина еще раз сходил к прилавку за выпивкой.

— Вот так всегда, — сказал он: — Все, как всегда, сводится к отсутствию денег.

— Да мне только на лекарство, так-то мне хватает, что я сам себя не обеспечу! — не согласился Павел.

— Так деньги только на лекарство нужны, что ли? — удивленно уточнил мужчина.

— Ага.

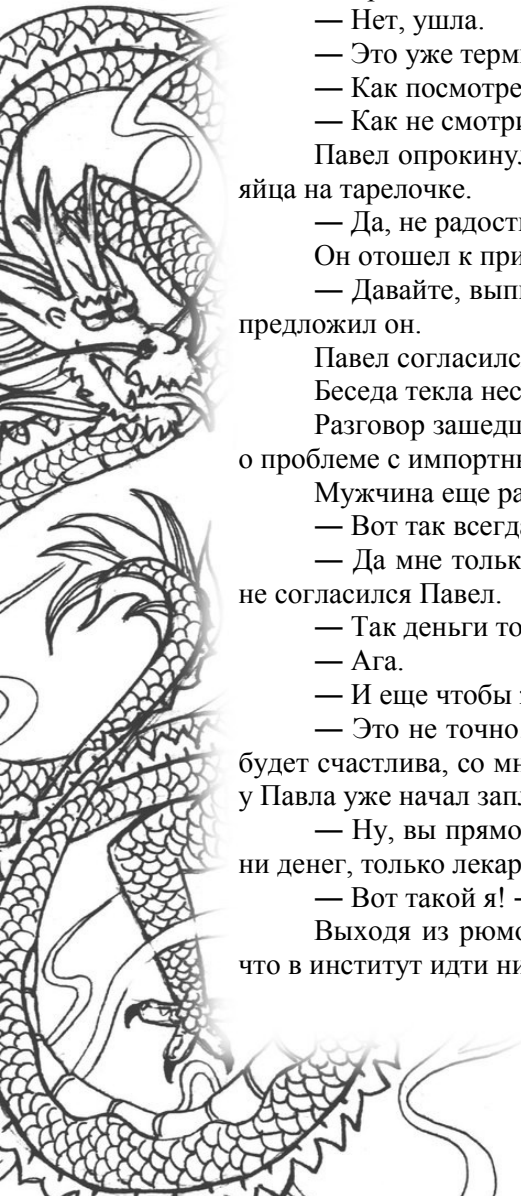
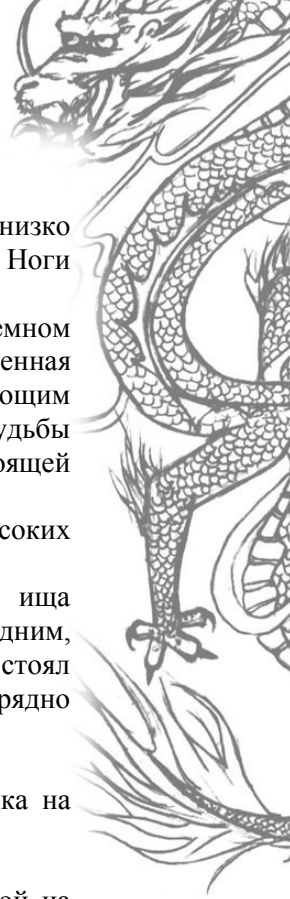
— И еще чтобы жена вернулась?

— Это не точно. Больше всего я бы хотел, чтобы счастлива она была. А с кем она будет счастлива, со мной или с ним, не знаю. Вот так бы я выразил свою мысль, — язык у Павла уже начал заплетаться.

— Ну, вы прямо рыцарь! — восхитился мужчина: — Как вам мало надо! Ни жены, ни денег, только лекарство!

— Вот такой я! — пьяно улыбнулся Павел.

Выходя из рюмочной, он, с трудом передвигая ноги, отправился домой, понимая, что в институт идти никак нельзя.

Дома, с трудом скинув пальто и ботинки, он включил телевизор и прилег на диван.

Эпизод 1. Дубль 2.

Проснувшись, Павел почувствовал боль в затекшей руке, которую он подложил во сне под голову, смягчая соприкосновение со столом. Откинувшись на спинку кресла, он взглянул на мерцающий экран компьютера и на беспорядок на письменном столе — всюду черновики, распечатки, перевернутый открытый еженедельник, кофейная чашка, карандаши и т.д., короче, бардак. Потянувшись, он встал и, выйдя на кухню, включил кофеварку и ушел в ванную.

Быстро позавтракав, запихал грязную посуду, остававшуюся на столе еще с вечера в посудомоечную машину, закидал в портфель необходимые бумаги, накинул дубленку и вышел из квартиры.

Лифт, чуть слышно шурша, спустил его в подземный гараж.

Бросив портфель на заднее сиденье и включив радио, Павел выехал во двор, непроизвольно зажмурившись в первый момент, ослепленный искрящимся на солнце свежим снегом.

«Сегодня в Петербурге ожидается ясная погода, температура воздуха минус десять...» — негромко бурчал приемник.

До клиники он доехал быстро, благо на выезде из города по утрам не было пробок.

Припарковав «Мерседес» на пустой стоянке, поздоровался с охранником и прошел за ворота по расчищенной мощеной дорожке.

Мама, приветливо махая рукой, шла ему навстречу.

— Привет, мама. Как дела?

— Здравствуй, Пашенька. Спасибо, все хорошо. Семенович обещает выписать на следующей неделе.

— Отлично. Выпишешься, я тебе сразу увезу на дачу, на свежий воздух. Будешь набираться сил, а за это время закончим ремонт в твоей квартире.

Взяв сына под руку, она повела его в молоденькую сосновую рощицу, расположенную на территории клиники:

— Хорошо делают?

— Не волнуйся, мама, все хорошо, ничего не изменят, все будет, как при папе было. И мебель его в кабинете отреставрируют.

— Молодец ты, спасибо! Вот насчет дачи не уверена. Звонила мне Катерина, помнишь мою школьную подругу?

— Помню.

— Приглашает к себе погостить. Они же с мужем купили себе домик в Финляндии, приглашают. Там говорят чудные у них места. Так что, может, и туда поеду. Да ладно все обо мне. Как у тебя-то дела?

— Все хорошо, мама. Холостякую. Вера через три дня возвращается, нажарилась, наверное, в Эмиратах, будет как уголек.

— Уголек, уголек! Все разъезжает, нет, чтобы дома посидеть да о потомстве подумать, — вздохнула мама: — А то так вот состарюсь и без внуков.

— Успеем, мама, какие наши годы, — поморщился Павел: — Не замерзнешь? — решил он сменить неприятную тему.

— Не волнуйся. Такая чудная погода! Торопишься?

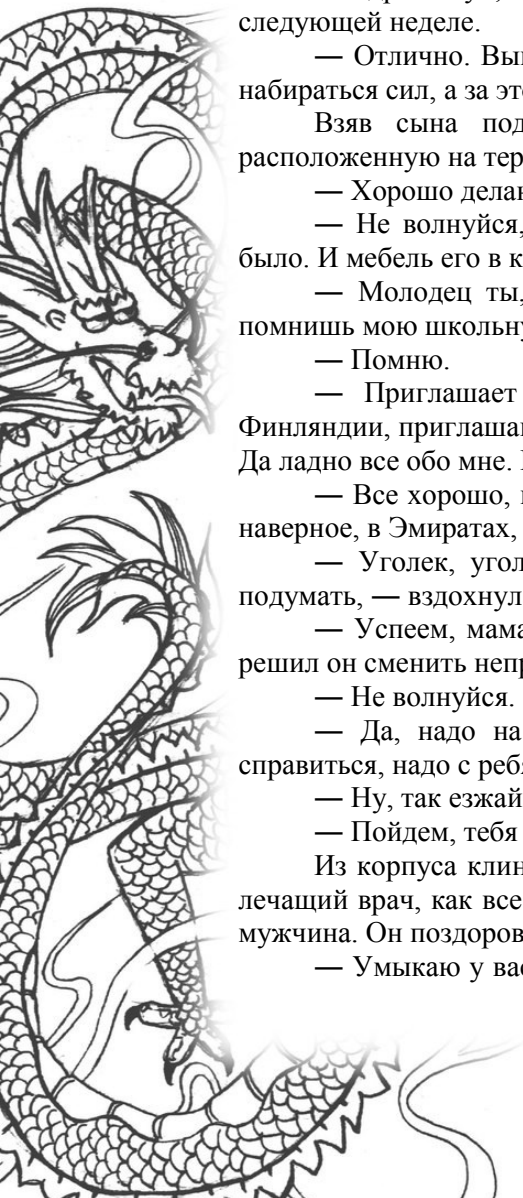
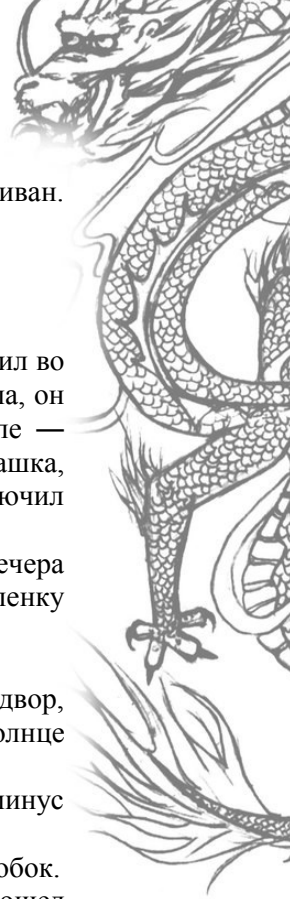
— Да, надо на работу заскочить. Никак мне не удастся с одной проблемой справиться, надо с ребятами посоветоваться. Сегодня почти всю ночь над этим бился.

— Ну, так езжай.

— Пойдем, тебя провожу.

Из корпуса клиники им навстречу шел Семенович (Сергей Семенович) — мамин лечащий врач, как все вокруг его называли «светила» — крупный пожилой седовласый мужчина. Он поздоровался с Павлом и, подхватив под руку его маму, сказал:

— Умыкаю у вас вашу даму. Пора, пора на осмотр. Благо уже недолго буду ее

мучить. Скоро расстанемся, отпущу ее к вам.

Эпизод 2. Дубль 2.

Приехав в офис, Павел первым делом заскочил в комнату к программистам, решив быстренько обсудить свои ночные неудачи, наметить план дальнейшей работы, попить с ними кофе, но, как всегда, застрял на несколько часов, и только, когда за окнами стало темнеть, пошел к себе.

Проходя к своему кабинету мимо стола секретарши, спросил:

— Есть что-нибудь новенькое?

— Да, Павел Васильевич, там вас в кабинете супруга ждет.

— Как это?— удивился Павел, — Сегодня какое число?

— Пятое.

— Странно, — и он вошел к себе в кабинет.

Вера сидела на диванчике, на журнальном столике, у ее колен, стояла чашка с кофе, в руках иллюстрированный журнал.

— Привет, — сказал Павел от порога, бросая дубленку на кресло: — Сегодня же только пятое?

— Не волнуйся, я ненадолго.

— Не понял?

— Ухожу я от тебя.

— Как это?

— Совсем. Нав-сег-да, понял?

— Как же так? — тихо спросил он.

— Так получилось.

— Кто он?

— Федор.

— Федька!? Как же так?

— Так получилось.

— Давно?

— Давно! Давно! — Вера начала напористо повышать голос. Такая привычка в разговоре с мужем у нее появилась в последние годы: — Ты бы еще больше сидел со своими программами и программистами. Сколько можно! То ли я замужем, то ли нет. Никак не пойму! Сколько уже можно было терпеть!

— А как же Эмираты? — тупо глядя на Веру, спросил Павел.

— Какие к черту Эмираты! — она покрутила пальцем у виска: — Никуда я и не собиралась, ты за своим компьютером уже ничего не видишь. У Федора я жила, вот, пришла, наконец, тебе рассказать, раз сам не замечаешь! Скоро уже рожать будет пора, а ты так ничего и не заметишь!

— Рожать?!

— А ты думал, я так и буду ждать, пока ты оторвешься от работы и подумаешь обо мне, сходишь, наконец, к врачу. Да куда там! Начхать тебе на семью было! Вот и сиди теперь один, наслаждайся!

Она поднялась и направилась к двери:

— Короче, все понял? Мне развод нужен и быстро. Да, и вещи мои собери, я водителя пришлю завтра.

Больше не сказав не слова, она вышла из его кабинета.

Павел опустил в кресло, достал из стола плоскую бутылку коньяка и налили себе полную чашку. Посмотрел на нее, отодвинул, поднялся и ушел в комнату программистов. Там просидел за компьютером до полуночи, потом вернулся в кабинет, взял дубленку и, вдруг, почувствовал, как защемило сердце от одной только мысли о возвращении в теперь уже навсегда пустую квартиру.

Вернулся к столу, залпом выпил коньяк, выключил свет и лег на диван.

Второй антракт.

Разбудил Павла звонок в дверь. Тяжело разлепив веки и сглотнув неприятный запах во рту, он оторвал голову от валика дивана.

На тумбочке беззвучно мерцал телевизор, из кухни доносился еле слышный голос радио:

«Рабочий полдень» подходит к концу, до встречи завтра в это же время...»

Надев тапочки, Павел побрел в прихожую, стараясь держаться прямо, прислушиваясь к накатывающей головной боли.

Открыл дверь. Перед ним стоял лысый мужчина в длинном потертом кожаном пальто.

— Вижу, утро недоброе? — спросил гость: — Может, пригласите?

Павел недоуменно попятился, гость вошел:

— Я на десять минут. Вас не задержу. Сыграю роль доброго «гаишника».

— Что? — Павел пытался сообразить, о чем говорит мужчина.

— Видите ли, друг мой, время — это дорога с односторонним движением. Людей эта проблема частенько сильно расстраивает. Пришпоривают к..., прошу прощения, жмут на газ, гонят время, а потом спохватятся и... Это я увлекся. Дело в том, что я готов превратить эту дорогу для вас на десять минут в двухстороннюю.

И, вдруг, у Павла в голове в одно мгновение всколыхнулись двойные воспоминания, перемешались, разделились, разбежались в два отдельных ролика и быстро промелькнули перед глазами:

— Это же сон!? — он ошарашено глядел на гостя.

— Нет, друг мой, это выбор. У вас есть десять минут, чтобы определиться с эпохой. Потом у вас в мозгу останутся только воспоминания об одной из них. Только десять минут вы будете помнить и то и другое. Потом я вам помогу одну часть забыть, чтобы не мучить.

— Не мучить?

— Конечно. Тяжело делать в жизни выбор, а еще тяжелее разочароваться в нем, не имея возможности что-то менять.

— Кто вы?

— Это имеет значение? Нет. За вами выбор. Решайте, время бежит, летит, испаряется, песчинки падают. Первое или второе? Только одно слово. В любом случае сегодня вы будете здесь, а завтра проснетесь или здесь или там, решайте.

Павел почувствовал, что ноги подкашиваются, сел на табуретку рядом с телефонным столиком, уронил руки. Мысли метались, стучась в виски и затылок, паника нарастала, перед глазами темнело.

— Эй-эй! — гость несколько раз пошлепал Павла по щекам: — Друг мой, пора, пора.

— Там, — выдавил из себя Павел и потерял сознание.

Гость, положив свою старую кепку на столик, легко поднял Павла, отнес в комнату, положил на диван, накрыл пледом, вернулся в прихожую, забрал кепку, вышел на лестничную площадку и захлопнул за собой дверь.

Эпизод 3. Дубль 1.

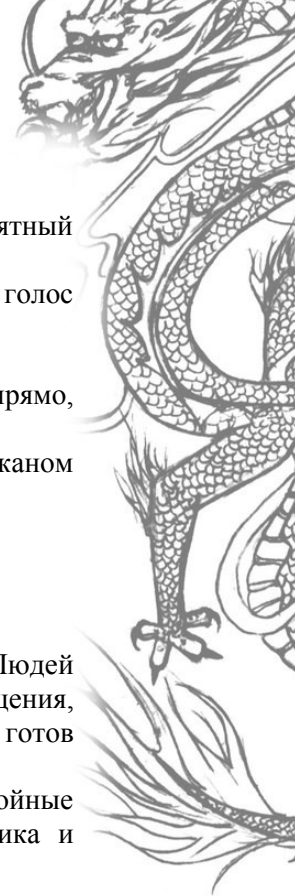
Проснувшись и откинув плед, Павел тяжело поднялся, выключил телевизор и ушел на кухню. Поставил чайник, нашел в шкафу таблетку анальгина, запил ее водой прямо из -под крана и уселся на табуретку. Прислушался к стуку дождя о подоконник — ну и зима!

Один! Нахлынувшие вчерашние воспоминания с такой силой полоснули по сердцу, что аж дыхание перехватило.

От резкого звонка в дверь он вздрогнул и бросился в прихожую.

Распахнул дверь и увидел Федора, который поднял руку ладонью в сторону Павла, как будто защищаясь:

— Только спокойно!

Павел отвернулся и ушел назад на кухню.

Федор, не раздеваясь, проследовал за ним, сел на табурет и положил на стол объемистый сверток.

— Что тебе? — глухо спросил Павел.

— Спокойно. Я пришел не для оправданий или извинений. Я считаю, что я перед тобой ни в чем не виноват. Я ничего у тебя не крал.

— Только жену увел.

— Любовь не подразумевает принадлежности одного человека другому.

— А ответственность друг за друга?

— Это так, пока любовь жива, иначе — это жертвоприношение. Еще раз говорю, я не за этим пришел. Вера рассказала про проблемы с лекарством для твоей мамы.

Павел и Федор дружили с детства — жили в соседних квартирах. Родители Федора погибли, когда ему было семь лет, и к нему переехала тетка — сестра отца. Но переехала она в основном не для того, чтобы присматривать и воспитывать племянника, а больше в надежде заполучить его большую квартиру. Воспитанием Федора занимались больше родители Павла.

Учились мальчишки в одном классе, потом на одном курсе в университете.

Федор всегда опережал Павла во всем: в учебе, спорте, науке — и постоянно ставился родителями в пример. Казалось, что силы Федора не имеют предела. Если Павла родители на каникулы увозили на море, то Федор уезжал на север на работы, по выходным ездил по области в поисках заработка, а по ночам писал статьи, потом и диссертацию.

Результат бесконечных шашечек материализовался в новенькую «Волгу», являвшуюся нескрываемой гордостью Федора и объектом зависти всех окружающих.

— И ты решил ее порадовать, уведя Веру? — спросил Павел.

— Еще раз говорю, она сама решает, как ей жить. Она самостоятельный человек, а не существо, которое можно увести или оставить. Все хватит об этом. Вот это тебе, вернее твоей маме, полностью на лекарство здесь не хватит, но больше у меня нет, — Федор подвинул через стол Павлу сверток, поднялся и молча вышел.

Павел развернул газету, и по столу рассыпались пачки денег.

Он вскочил и бросился к двери, но на лестнице уже никого не было, он вернулся в кухню и выглянул в окно.

Через двор сквозь дождь двигалась одинокая фигура Федора.

Первый раз за столько лет из этого двора он выходил пешком.

Эпизод 3. Дубль 2.

Разбудил Павла звук открывшейся в кабинет двери.

Он поднял голову и увидел подходившего к столу Федора.

Поднялся, потряс головой и сел в свое кресло.

— Что тебе?

— Пришел тебя порадовать, — ухмыльнулся Федор: — Поздравляю тебя, с сегодняшнего дня ты единственный владелец компании.

— Не понял.

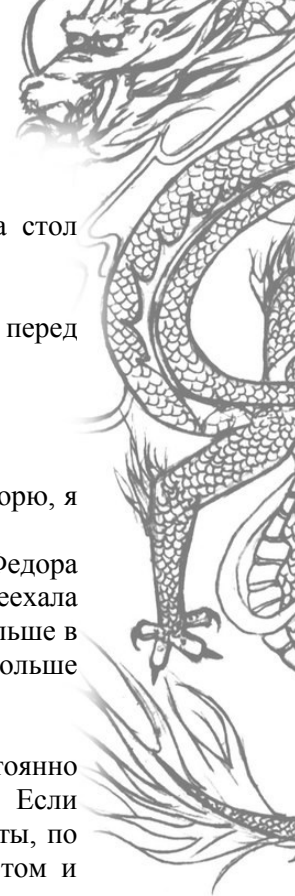
— Я вышел из состава учредителей.

— Зачем?

— Пойми, душа моя, ты меня окончательно достал! Мне надоело, одному решать все проблемы, а деньги делить пополам! Все хватит! Ты же у нас с чистыми руками и чистой совестью — все программки пишешь! Конечно, это интересно и увлекательно, это же наука, но пойми для этого достаточно нанять толпу программеров, а самому заниматься развитием фирмы.

— Но это же моей идеей торгуем...

— Торгуем!? Это я торгую, это я ищу клиентов, убеждаю, уговариваю, это я бегаю по налоговым, это я плачу взятки, это я дружу с нужными людьми, это я! А ты паришь где-то. Достал! Короче, я открыл свою компанию. Не обессудь, теперь каждый за

себя будет. Только предупредить хочу, так получилось, что клиенты наши, вернее мои, которых я нашел, пока ты парил, теперь будут с моей новой конторой работать, ищи своих. Но я и с тобой поделился, кредиторов тебе, душа моя, оставил. Не отчаивайся, продашь фазенду, машину, квартирку поменьше возьмешь, глядишь и расплатишься с долгами-то. Будет тяжело, приходи, я на пару тонн в месяц тебя, пожалуй, программмером возьму! — Федор рассмеялся.

— Сволочь ты! — закричал Павел.

— Но, но спокойно! Я же и твой основной источник расходов себе прибрал, так что без обид! О ней я позабочусь. Не волнуйся!

Федор развернулся и вышел из кабинета.

Павел метался по кабинету, не находя себе места. Его обуяла паника, но на смену ей неожиданно пришло полное спокойствие и безразличие.

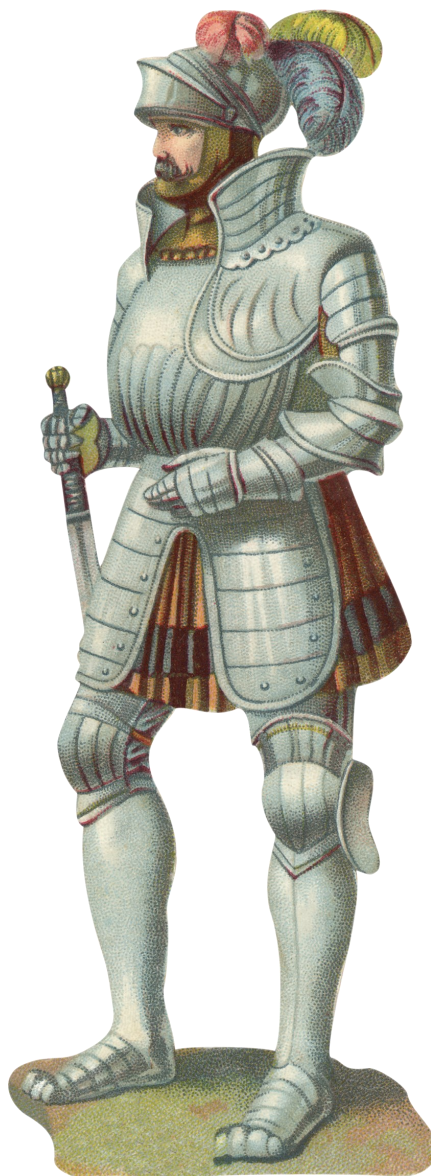
Одевшись, он вышел из офиса, спустился на лифте в холл, оттуда за залитую солнцем и легким морозцем улицу. Прищурившись от яркости дня, он чуть не наступил на человека, сидевшего на ступеньках. Пригляделся и увидел абсолютно лысого нищего в старом потертом кожаном пальто, который держал в руках старую кепку, протягивая ее к Павлу:

— Помоги, добрый человек, на хлебушек.

Павел вытащил кошелек, в котором кроме кредитных карточек была только мелочь. Высыпал монеты в протянутую кепку:

— Извини, больше нет ничего.

— А больше и не надо, я же на хлеб просил, здесь хватит. Никогда не рассчитываю получить больше, чем прошу. Спасибо, добрый человек!

Автор рисунка: Александра
Михасик
Ваниль

Патьяна Акулова

Ты сказал бы...

Ты сказал бы — пить столько кофе — дрянь
А для меня (не поверишь) простая радость
С утра подловить эту тонкую грань
Между "горячий не пью" и "остывший гадость".

Сказал бы — хватит ругаться матом
Ты девочка, а потому — сохраняй лицо!
Я б хотела тебя первым из кандидатов
Держать меня крепче, чем я пророню словцо.

Сказал бы — хватит везде опаздывать
Давай собирайся, пора бы уже взрослеть.
Откроюсь полУночными рассказами
О том, чего в жизни правда боюсь не успеть.

Сказал бы скептически — снова летала
По мирам, одной тебе фантазерке видимым?
Знаешь, а если б тебя не существовало
Мне пришлось бы тебя — обязательно! — выдумать.

Уходящим — попутных вЕтров,
Возвратившимся — хлеб да соль.
Сколько пройдено километров,
Строк написано, толку — ноль?

Сколько в мире людей-пристанищ,
Сколько путников ждут дороги.
Добрый день, дорогой товарищ!
Проходя, вытирайте ноги.

Сколько было посуды бито,
Из избы выносился сор,
Дверь в парадной еще открыта.
Эх, душа—постоялый двор?

Вдруг гостей принимать устанет
Хозяйка, да и задует свечи.
Ты с утра постучишься в ставни,
А ей встретить тебя и нечем..

Свидетели

Больше нас всех вместе взятых
Помнят старые фотоснимки.
Как ни старайся уйти на попятную,
Здесь прошлое с нами почти в обнимку.

Кадры эти, желтея в дальних углах
Лучше нас понимают, о чем мы мечтали,
И жалеют, что им не стоять на столах
В рамках резных с золоченой эмалью.

Цветные архивы наших идей,
Мгновений улыбок, побед и исканий,
Храните вы больше, чем судьбы людей...
Простите за то, какими мы стали!

Этот город

Этот город простужен,
Не спеши сюда возвращаться!
Здесь метель поглощает фонарные души,
Этот город — огромная снежная клякса.

Этот город жмурится
И плюет снежинки в густеющий воздух,
Здесь сигналият горящими окнами улицы,
От этого города нужен отдых.

Этот город встретит
Тебя, и ветром вцепится в воротник,
Он поймает тебя в свои звонкие сети.
Нет в этом городе места, куда бы он не проник.

В этом городе кувыркаются
Липкие сумерки на просевшем льду.
Не спеши сюда, тебе не понравится!
Но в этом городе я тебя жду.

Неужели нужно теперь говорить мужчине,
С надеждой робкой заглядывая в глаза,
Не о платье из белого крепдешина
Чтоб когда-нибудь вместе под образа,
А о том, что какой ни была б причина,
Обо мне он гадостей не сказал?

Автор рисунка: Александра Михасик. Перік Чили

Маленький герой 2. Литературные приемы

Это вторая часть статьи, и в ней рассмотрим примеры на основе отрывков из произведений про детей.

Детский взгляд на примере рассказов Чехова

Суть этого приема в том, чтобы использовать детский словарный запас, ассоциации, сравнения при описании персонажей, событий. Специфика детского восприятия мира передана системно и придает рассказам особое очарование. Особенно много примеров в "Грише": "Мама похожа на куклу, а кошка на папину шубу, только у шубы нет глаз и хвоста"; "За этой комнатой есть еще другая, куда не пускают и где мелькает папа — личность в высшей степени загадочная! Няня и мама понятны: они одевают Гришу, кормят и укладывают его спать, но для чего существует папа — неизвестно. Еще есть другая загадочная личность — это тетя, которая подарила Грише барабан. Она то появляется, то исчезает. Куда она исчезает? Гриша не раз заглядывал под кровать, за сундук и под диван, но там ее не было..."; "В этом же новом мире, где солнце режет глаза, столько пап, мам и теть, что не знаешь, к кому и подбежать".

В результате последовательного применения детской точки зрения мир "остраняется", перестает быть привычным. Например, в рассказе "Детвора" копейка оказывается дороже рубля, к тому же сама ценность денег условна ("возле них валяются копейки, потерявшие свою силу впредь до новой игры"). Автор указывает на эту условность, ссылаясь на детское восприятие. В некоторых случаях противопоставление детского и взрослого восприятия настолько ярко, что можно говорить о приеме остранения (термин В. Б. Шкловского). Это представление привычного предмета в качестве незнакомого, необычного, странного, что позволяет нам воспринимать его заново, как бы впервые.

Остранение — частый источник комизма. Естественно, что кругозор ребенка ограничен, его понимание действительности не совпадает со взрослым видением мира. Поэтому когда автор при изображении мира дает только детское восприятие, не соответствующее норме, возникает комический эффект. В том же рассказе "Кухарка женится" Гриша воспринимает свадьбу как насилие над кухаркой, жалеет ее ("Бедная! Плачет теперь где-нибудь в потемках!"). Это свидетельствует о том, что такие рассказы ориентированы скорее на взрослого читателя, который видит разницу между привычным восприятием мира и видением ребенка, понимает, например, что письмо "на деревню дедушке" дойти не может (чего, разумеется, не знает Ванька Жуков).

О чем мечтает мальчик? "Был прелестный летний вечер. Я ходил по аллее и думал о вишневом варенье". Но в этом же возрасте думается и о другом. Перед мальчиком в церкви, на страстной неделе, стоит роскошно одетая красивая дама в шляпке с белым пером. "Чем она грешна?" — думаю я, благоговейно поглядывая на ее кроткое, красивое лицо. "Боже, прости ей грехи! Пошли ей счастье!" На следующий день вчерашняя дама кажется еще более прекрасной. "Я люблюсь ею и думаю, что когда я вырасту большой, то непременно женюсь на такой женщине; но, вспомнив, что жениться стыдно, я перестаю об этом думать и иду на клирос, где дьячок уже читает часы". Смутное предчувствие любви овладевает детским сердцем; совершается таинственное пробуждение силы и страсти. Егорушка из "Степи" задавал себе неясные вопросы и думал, что мужчине, наверное, хорошо, если возле него постоянно живет ласковая, веселая и красивая женщина. "Пришла ему почему-то на память графиня Драницкая, и он подумал, что с такой женщиной, вероятно, очень приятно жить; он, пожалуй, с удовольствием женился бы на ней, если бы это не было так совестно... Тихая теплая ночь спускалась на него и шептала ему что-то на ухо, а ему казалось, что это та красивая женщина склоняется к нему, с улыбкой глядит на него и хочет поцеловать..."

Взросление

Детская душа тем и отличается, что доверчиво распахнута навстречу миру. Она еще не умеет защищаться от горестей, поэтому детские переживания такие сильные. Как это ни печально, именно грусть и осознание разбивает эту счастливую скорлупу детства. Душа человека понемногу покрывается защитным панцирем, ребенок взрослеет. Вот как Л.Н. Толстой показал этот надлом в своей трилогии «Детство. Отрочество. Юность»:

Внутренний мир ребенка ярко изображен в эпизоде, когда Коля рисовал зверей, которых увидел на охоте. У него были только синие краски и все деревья, и животных он нарисовал синим цветом. Однако когда он принялся изображать зайцев, его отец, наблюдавший за процессом, сказал мальчику, что синих зайцев в природе не существует, также как и синих растений. Это было очень ранимо воспринято Колей и стало первым звонком разочарований и жизненных сомнений. Однажды мальчик вместе со своими друзьями стал играть в игру: дети сели на землю и начали представлять, что плывут по морю, усиленно махая руками, имитируя греблю. Старший брат Николеньки увидев детские забавы, саркастически заметил, что, несмотря на их усилия, они не сдвинутся с места, так как на самом деле находятся не на воде, а в саду. Детский мир главного героя, его жизненное восприятие от таких слов стали бесповоротно рушиться. В душу ребенка начали резко врываться первые холодные отголоски взрослого рассудка: нельзя плавать на несуществующем корабле, не бывает синих зайцев.

Этот прием может быть использован вами, если нужно, чтобы маленький герой начал взрослеть.

Тем же приемом, но гораздо более жестко пользуется Лукьяненко в книге «Мальчик и тьма». В начале мальчик сознательно изображается маленьким, наивным, даже чересчур. Но после того, как он попадает в иной мир, где царствует зло, психологическое детство быстро проходит. И герой уже мало похож на ребенка. Обстоятельства заставили его повзрослеть. Вот тот же прием у Чехова, здесь мы видим реакцию ребенка на жизненную несправедливость: «Алеша дрожал, заикался, плакал; это он первый раз в жизни лицом к лицу так грубо столкнулся с ложью; ранее же он не знал, что на этом свете, кроме сладких груш, пирожков и дорогих часов, существует еще и многое другое, чему нет названия на детском языке».

Написать об этом можно по-разному, но суть одна.

Подросток и «чувство взрослости»

Подросток — это герой, который выходит из детства и пытается найти своё место в обществе. По своей природе он бунтарь. Причины его бунта не только возрастного, но и социального характера: протест у героя вызывают мир взрослых и социальные порядки, в нём установленные.

«Чувство взрослости» — стремлении подростка подражать взрослым, при этом сам подросток не совсем понимает, как это — быть взрослым по-настоящему. При этом на самом деле герои вовсе не стремятся взрослеть. Напротив, наблюдается расцвет особой подростковой субкультуры и в поведении, и в речи, и в одежде. Многие авторы описывают главный конфликт положения — несмотря на то, что внутреннее отношение к миру со стороны подростка резко и значительно изменяется, отношение к нему общества остается таким же, как к младшему школьнику. Этот диссонанс может служить почвой для развития конфликтных отношений.

Авторы подчеркивают эти внутренние метания и неопределенность. Суть приема — описать подростковые эмоции. Их можно представить, как то и дело извергающийся вулкан (это эмоции и поступки) покрытый туманом (неосознанность). «Итак, самое худшее случилось: я весь в прыщах, а родители расходятся», «Читал комиксы до утра. Мы, интеллектуалы, не какие-нибудь обычные люди, нам положено до утра не спать» Сюю Таунсенд «Тайный дневник Андриана Моула». В ее книге показано, что и демократических права понимаются героем-подростком на обывательском уровне. Например, главный герой Андриан и его друзья создают носочный комитет, чтобы добиться от руководства школы права носить красные носки. Итогом борьбы

становится полный абсурд: "Мы носим красные носки под чёрными. От этого ботинки жмут, но нам наплевать, потому что принципы превыше всего". Тот же пример подростковой непосредственности у Мэг Кэбот, автора литературы для девочек и подростковой прозы («Дневники принцессы»). В этом дневнике Миа страдает по поводу своей внешности и недостатков, жалуется на учителей и родителей, убивается из-за ссор с подругой и бойфрендом — типичный набор подростковых переживаний, от которых не может защитить даже королевская корона. Углубляться в них автор «Дневников» не хочет, предпочитая этому комическую игру в принцессу-школьницу. Игрой оказывается и сама форма дневника с записями клятв и обещаний, планами на будущее и перечислениями обид. Клятвы не выполняются, обиды забываются, а на смену одним планам приходят другие.

Как правило, центральной темой таких литературных произведений является задача, которую подросток должен решить сам. Испытание, которое он должен выдержать; препятствие, которое он должен преодолеть. Практически всегда основой произведения является ситуация, взятая из человеческой жизни, человеческое переживание, которое может захватить других, где перед героем стоит персональный выбор — интеллектуальный, нравственный, волевой. Читатель должен проникнуться сопричастностью к герою, постигать вместе с героем внутренний мир человека. Главное, чтобы литературное произведение затронуло какую-то потребность подростка и для него это стало моментом движения личности, формирования индивидуальности.

Подросток и психическое расстройство

Не секрет, что многие психические расстройства, наблюдающиеся у взрослых людей, возникают в детском и особенно в подростковом возрасте. Если вы хотите рассказать про сумасшедшего подростка, изучите симптомы его душевного расстройства и ненавязчиво введите их в описание.

Вот как изображает таких подростков Галина Большакова в своей книге «Сумасшедшие дети»:

"Как жить? Чем жить?" — проносилось в голове у Галки. Она подошла к зеркалу и посмотрела на свое отражение. "Фу, уродина, ненавижу себя. Эти маленькие глазки без ресниц, большой нос, лягушечий рот, — она дотронулась рукой до щеки, — а кожа белая, как у мертвеца, и эта ужасная худоба". Галка отошла от стены с зеркалом и села на диван. Она посмотрела на рыбок и сказала:

— Но это еще ладно, с этим жить можно — с худыми руками, с худыми ногами, с этим худеньким тельцем и с этим некрасивым лицом, с этим всем можно жить. Но как жить с этими черными мыслями о смерти и безнадежности? Как жить на свете со своим страхом перед каждым наступающим днем? Это не вылечить никакими таблетками и порошками". Она обхватила голову руками и стала читать стихи из "Маскарада": Ты права, что такое жизнь? жизнь вещь пустая.

Потом тоскливо посмотрела на дверь. "Зачем меня выписали из больницы? Там мне и место, там место таким, как я, больным. Я же больна, а они выписали меня, а я говорила, что не хочу выписываться. Я чувствовала себя лучше в той обстановке, и мысли черные меня реже там посещали. Она опять прижала руки к лицу: Тебя любить — за то ль, что целый ад

Мне в грудь ты бросила? О нет, я рад, я рад

Твоим страданиям; Боже, Боже!

В дверь постучали и отошли. Галка перестала читать стихи. "Соседка, — подумала она, — что ей надо?" Галка взяла кушак и посмотрела на люстру. Когда вечером ее родители пришли с работы и вошли в комнату, они увидели стул на столе, снятую с крюка пластмассовую люстру и Галкино безжизненное тело, висевшее на кушаке.»

«— У нас учится мальчик, и я хотела с ним встречаться. Он всем девчонкам нравится в школе, и он встречался со мной, а потом перестал и стал встречаться с другой девочкой. Я переживала, плакала, не ела и говорила, что не хочу жить. И меня отвезли в эту больницу. Мне было так тяжело, а сейчас все прошло. Мне даже смешно, что все это было, и из-за Витьки я попала в сумасшедший дом. Теперь я все это вспоминаю с

улыбкой. Вот видишь — я улыбаюсь и смеюсь, а раньше не могла улыбаться. — И Ирка обнажила в улыбке свои белые ровные зубы.

— Хорошая ты какая, — сказала Надька, поправляя прядку волос, сползшую Ирке на лоб.

— А что у тебя с руками? — спросила Ирка, указывая Надьке на зарубки на ее руке выше запястья, — кто тебе это сделал? Ты сама, что ли, себе руки порезала? Зачем?

— Это я гвоздем царапала кожу. У меня есть гвоздь и еще всякие железки, я их в матрасе держу. Только это по секрету. Смотри, я тебе сейчас покажу, я никому не показывала, только тебе покажу. — И Надька задрала рукав халата — на левой руке повыше запястья, но ниже локтя с тыльной стороны руки Надьки, где голубели синие прожилки вен, красовались две свежие красные болячки, две выцарапанные гвоздем буквы "Н. К." — Надькины инициалы.

— Здорово, правда? — спросила Надька.

— Не надо этого делать. Я прошу тебя, не надо. Тебе больно. И если врачи или медсестры увидят, положат в надзорку и будут делать больные уколы.

— Я осторожно, никто не увидит. И никто не найдет у меня этот гвоздь, я его далеко в матрац запрятала, — сказала Надька.»

Полина Дашкова, в книге «Легкие шаги безумия» вставила много ретроспективных эпизодов, чтобы описать детство и «становление» будущего маньяка, которого трудно было заподозрить. Без этих эпизодов мы не поняли бы, как тихий, благонадежный парень сходил с ума.

«Теперь они с Таней Костылевой «дружили». В десятом классе было несколько таких парочек. Ритуал этой школьной «дружбы» состоял в том, что мальчик и девочка гуляли по улицам, ходили в единственное в городе кафе «Мороженое», сидя в последнем ряду кинотеатра, тискали друг друга и целовались, пыхтя и не смея зайти дальше запретной черты, которая была определена вполне конкретно: ниже пояса...].....[...Ему иногда становилось противно: она тоже врала, как все, прикидывалась недотрогой. Она нарочно возбуждала его, томила, заставляла пыхтеть и тяжело дышать. Он начинал ненавидеть ее в такие минуты, ему хотелось сделать ей больно, очень больно, чтобы она стала брыкаться и извиваться в его руках, как когда-то пухленькая Ларочка. Ему часто снилось, как он наваливается на Таню, придавливает к земле, сдирает одежду. Ему бывало страшно даже во сне. Его сжигал изнутри тяжелый, звериный голод, он чувствовал, что если не утолит его, если не сделает очень больно самой красивой девочке в классе Тане Костылевой, то умрет, сгорит изнутри. Все вокруг думали, что у них с Таней любовь. И она так думала. Только один Веня знал, что на самом деле люто ненавидит свою нежную подружку. Он ждал весны, тепла, когда можно будет гулять вечерами в диком парке над Тоболом. Чем доверчивей и нежней была с ним Таня, тем сильнее он ее ненавидел... Если бы кто-нибудь спросил его: «За что?», он не сумел бы ответить. И самому себе он не собирался отвечать на этот разумный вопрос. Его лютый голод был важнее любых вопросов».

Автор рисунка: Александра Михасик. Дождь

Певчая луна

Я слышал молчание певчей луны
За дымкой полынной горечи,
В тумане вересковой страны
Качаемой пальцами ночи.
Чужая царица меня звала
Чужим бархатистым голосом.
Давно ли ты, милая, умерла,
Давно ль позолоченным колосом
Каждый твой волос в полях пророс,
Обласканный ветром свежим?
Не стал ли и птичий хор безголос,
Не стал ли и камень нежен?
Как тонок блеск серебра, седины,
Стальных смертоносных лезвий,
Так тонко пряли лучи луны,
Сплетаясь, песню за песней.
Цветом вереска по земле,
Цветом зари — ниже,
В безграничной чугунной мгле
Оковы лучами лижет...
Царица, красавица, не моя,
Но так драгоценно-дорого
Глазами тронуть слегка края
Её серебристого полога...
Как сладко на жарких её губах,
Прокравшись сквозь мёртвые сны,
Застынет на миг и рассыплется в прах
Молчание певчей луны...

Ласковый небосвод

Спой мне, птица, о том, как вновь над волной
распят
Солнечный берег, ласковый небосвод...
Я вернусь к тебе, милая, если не стану свят,
Если сетью черпнуть не смогу драгоценных вод.
Красным мясом нальются спелые снегири,
Упадут в белоснежные руки и пустят яд.
От причала в неизвестную синь отойдут корабли,
На одном из которых русалочьим плачем — я.
Ты представь себе море, ставшее вмиг вином,
По которому я пробегаю, такой чудной,
Что лишь мне одному не кажется глупым сном
Удивлённое небо, повисшее надо мной.

Ты представь себе мудрых царей, что придут ко мне
И, как дети, попросят что-нибудь объяснить,
От того лишь, что я понимаю поболее в вине
Да устойчивей их научился теперь ходить...
Ты представь, как мой дух укрепляется в небесах,
Как, неистовым светом исполнен, пою, любя,
Сединою уже искрящийся в волосах..
И как я, погруженный в покой, забываю тебя...
Я пока-что всего лишь тень на седом корабле,
Погруженном в алмазный туман, что горчит, как
дым.
Я прошу тебя, милая, в трепетной чёрной мгле
Помолись, чтобы я не стал никогда святым.

Королеве

Королева, давно ли солнце ушло на запад?
Ты всё ждёшь, ты замёрзла, но не разводишь огонь,
Чтобы только не чувствовать этот пьянящий запах,
Чтобы только не помнить эту саднящую боль.

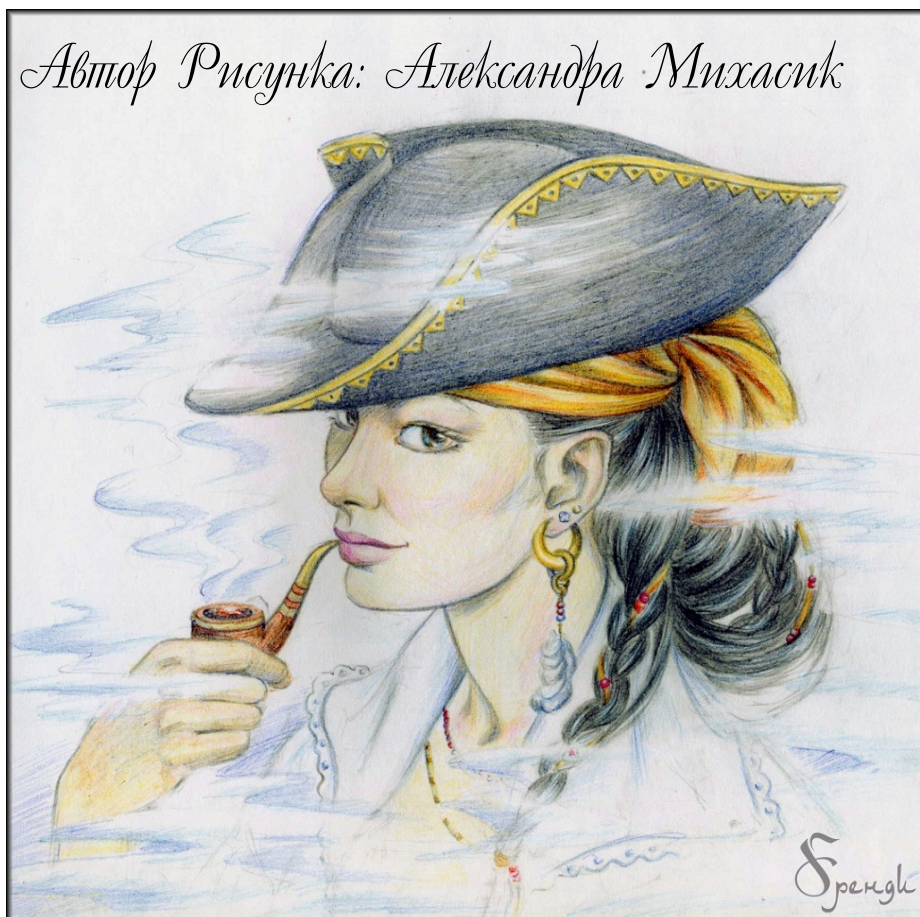
Королева, давно ли земля утонула в тумане?
Ты не знаешь, ты тысячи проклятых лун одна.
Твои косы, как горные реки, длинными стали,
Только им всё равно не достать до туманного дна.

Да и незачем, милая... Ждут ли тебя герои?
И остались ли где-то герои другим? Как знать...
Слоем пепла от брошенных звёзд небеса укроют
Твои белые плечи, твою королевскую стать...

Слоем пепла покрылись тысячи брошенных комнат
И богатого некогда платья цветные шелка.
Ты сердита на них, ведь они через вечности помнят,
Как приятно ласкалась когда-то чужая рука.

Королева, давно ли ветра прокричали в бойницы:
"Перестань, дорогая!". Давно бы пора перестать
Вспоминать эти тусклые, страшно далёкие лица...
Если солнце вернётся, то знает, где нужно искать.

Автор Рисунка: Александра Михасик

Откладывать деньги на этот подарок родители Алексея начали задолго до его рождения. Ещё в далёком 87-м году они впервые переступили порог Агентства Страхования. Счастливый сотрудник, попавшийся им на пути, сразу стал лучшим работником месяца, сумев заключить контракт полной защиты всего за три с половиной минуты. Ровно столько потребовалось принтеру, чтобы распечатать пухлую папку документов. Клиенты даже не стали их читать — бланки были стандартные, они изучили их задолго до посещения офиса. И мысленно расписались под каждым пунктом: «Согласны!» Да, да, да!!!

Клерк улыбался, прикидывая размер премиальных, рассыпался в любезностях, хвалил их мудрость и дальновидность. А они не слушали, думая о том, как много могли бы изменить, если бы решились прийти в этот офис лет двадцать назад. Когда были молоды и наивны...

Они были счастливы, мечтали о будущем, любили... Но жизнь, устав улыбаться, вдруг повернулась к ним звериным оскалом. Простое совпадение, нелепое стечение обстоятельств — и на машину их сына Сергея, застрявшую на горной дороге, сходит лавина. Долгие поиски, напрасные надежды — всё оказалось пустым. Несправедливо и бессмысленно. Но так решила судьба. И помешать её решению было выше человеческих сил.

Окровавленный снег перевала инеем таял на побелевших висках отца. Глаза матери он затопил холодом отчаяния. Теперь радость в их доме стала незваным гостем. Она испугалась метели в их душах и больше не заходила на тлеющий огонёк остывающей любви.

Странно, но две ледяные скульптуры прожили вместе несколько лет. Ещё более странно, что опять превратились в людей, умеющих чувствовать что-то ещё кроме скорби. И уж совсем удивительно, что они опять полюбили друг друга. Правда, теперь они знали о жизни намного больше, и поэтому перед тем как решиться на второго ребёнка, посетили Агентство Страхования.

Идея, положенная в основу метода полной защиты, была проста, как всё гениальное. Имя и прочие данные застрахованного вносились в базу данных компании. С этого дня регулярно сотрудники фирмы проверяли, жив ли этот человек, а в случае смерти — устанавливали точную причину, дату и место этой досадной неприятности. Потом, естественно, протокол об этом вносился в базу данных и лежал там долгие годы. И только лет через сто его доставали, чтобы считать информацию и переслать в сжатом виде к началу начал, т.е. к моменту первого посещения застрахованным Агентства. Как, спросите вы? Конечно же, с помощью тайм-зонда, изобретённого военными ещё в 30-х для проверки: жива ли ещё мать-Земля или лет через пятьдесят уже сгорела в очередном глобальном конфликте. К счастью, в обозримом будущем планете ничего не угрожало.

И военные, недолго подумав, согласились продать один экземпляр бесполезной, по их мнению, игрушки Агентству Страхования. Официально — почти за бесценок. А неофициально... Агентство не было бедным. Денег от клиентов хватало на всё. И в настоящем, и в будущем.

Анкета была простая, и Алексей, который к этому моменту учился уже на первом курсе Политеха, справился с ней за минуту.

— Так... Всё хорошо, — клерк пробежал глазами ровные строчки, — теперь прошу Вас немного подождать. Может быть, кофе?

Ответ из будущего пришёл через несколько минут. Служащий, прочитав его, поднял на Алексея глаза, полные почти искреннего сочувствия:

— Вы, кажется, хотели стать космонавтом?

— Да, очень...

— Не рекомендую. Через восемь лет Ваш челнок сгорит при посадке.

Алексей хотел что-то возразить, но, увидев взгляд матери, полный мольбы, промолчал.

— Не стоит так расстраиваться. Вы молоды, у Вас вся жизнь впереди. А ведь в ней — масса других интересных возможностей. Итак, кем бы ещё Вы хотели стать?

Алексей думал, заполнял бланки, а клерк вносил его варианты в базу данных, каждый раз меняя возможное будущее. Но судьба словно издевалась над ним, расставляя капканы на каждой новой тропе. Здесь были и глобальные катастрофы в виде цунами, накрывающего его океанский лайнер, и что-то уж совсем карикатурное, вроде удара током от диджейского пульта, когда он решил стать звездой шоу-бизнеса. Во всех случаях судьба отводила ему не больше двадцати лет.

Наконец, Алексей сдался. Решив, что высот ему не достичь, согласился на работу простым офис-менеджером. Результат не заставил себя долго ждать. Машина выдала ответ: естественная смерть в возрасте ста тридцати четырёх лет. Что и требовалось доказать. Клерк поздравил Алексея с удачным выбором и ещё раз подтвердил, что Агентство гарантирует дату и причину смерти клиента всем своим состоянием. Риска нет и быть не может. Естественно, при соблюдении застрахованным условий договора. Алексей сделал вид, что обрадовался, и первым вышел на улицу, чтобы своей кислой улыбкой не портить вкус счастья, наконец-то почувствованный родителями.

Белая палата. Тихий гул аппаратов жизнеобеспечения. Кровать, с опутанным проводами телом, и два старика, сидящие рядом. У них не осталось ничего, кроме бессмертной полу-жизни сына. На этой Земле их держала только любовь и тень надежды на невозможное чудо. С того самого дня, когда, выйдя из кабинета шефа, их сын побледнел и медленно, спиной опираясь на стену, опустился на мягкий ковёр, всё иное потеряло для них смысл. Врачи из Агентства были категоричны: вероятность выйти из комы почти нулевая, но полная смерть наступит именно в положенный срок. Так что, как говорится, извините...

— Как ты думаешь, он видит сны?

— Не знаю... Вряд ли.

Алексей стоял на ровной бетонной площадке, на самой вершине серой как пепел башни. Его ноги застыли в ней навсегда. Вырваться невозможно, а звать на помощь — бессмысленно. Он здесь один. Под ним — стоэтажная пропасть, и он не в силах остановить медленное, как сон, падение в пустоту. Вокруг — тишина, и только эхо повторяет стон ветра, заблудившегося в лабиринте разбитых окон башни. А она стоит, и будет стоять ещё очень долго, теряя раз в год один из своих бесчисленных этажей.

Семь нот на Паскале

Живые цветы, лишённые влаги,
Засохнут.
Иней забвенья укроет от нас
Их лепестки.
(вольный перевод с двоичного кода
Стих 13- й, диск 535- й)

Он еще никогда не забирался так высоко. Земля, которая проносила под ним с бешеной скоростью, теперь была не просто поверхностью. Кроны деревьев, дороги, воронки рудников сплетались в хаосе сочетаний и тут же распадались на смазанные штрихи. А небо, ставшее чуть ближе, изменило свой цвет с голубого на черный и обнажило над ним свои звезды. Где-то вдали оно изгибалось, чтобы слиться с землей в почти осязаемой линии горизонта. Такой близкой и все же недоступной, как и непостижимой в своей красоте.

Он видел это впервые. И чувствовал, что хочет видеть еще.

Вопреки всякой логике он безжалостно лил топливо в форсажные камеры двигателей и игнорировал приказы диспетчера, чтобы задержаться здесь еще хоть на пару минут.

День начала этой метаморфозы он помнил детально. Эти воспоминания не рождали приятных чувств. Они жгли огнем. Но избавиться от них он не мог. Непогрешимая память, что всегда была его частью, теперь стала возмездием.

Тогда он пришел убивать. Не испытывая ни капли жалости, лишь исполняя приказ без сомнений и лишних чувств. И без шанса для жертв.

Тяжелые удары срывали двери с петель. Пулеметные очереди разрывали живое на части и смешивали с неживым. Они кричали, и он помнил их крики. Они замолкали, и он запоминал тишину. Граница между жизнью и смертью была для него лишь падением децибел.

В последней комнате он никого не обнаружил. И уже собрался уходить, когда услышал тихий звук, не похожий ни на шорох, ни на дыхание. Но все же, судя по динамике изменения частот, несомненно, живой. Он оглянулся: звук шел из серой коробки, стоящей в углу. «Все-таки механизм, хотя и требующий более детального изучения», — подумал он и решил остаться, впервые не запросив мнения центра.

Регуляторы механизма позволяли увеличивать громкость. Он повернул ручку, и тут же звук, набрав силу, занял все пространство вокруг, сковал и подчинил себе тело. Сопrotивляться не было сил. Хотелось полностью превратиться в слух и остаться здесь навсегда, чтобы ловить каждый оттенок этого звука, каждый его полутон. Память не находила аналогов того, что он чувствовал. Это пугало, и от этого чувства становилось еще острее. Ему захотелось уничтожить терзающий его механизм. Рука потянулась к пулемету. Но в тот же момент он понял, что не только не сможет сам, но и никому никогда не позволит сделать этого.

Противоречие, не имеющее логического решения, медленно разрывало континент его рассудка на обособленные острова. Рушилась ясная и четкая картина мира. А виной этому был всего лишь звук!

Все изменилось. Он больше не мог убивать. Те, кто создал этот звук, не должны умирать от его руки. Теперь, вылетая на патрулирование района, он прижимался к земле, чтобы скрыться от радаров диспетчера, и ложился на курс к заброшенному дому. Здесь ждал его звук, записанный на сотни сверкающих радугой дисков.

Двойная жизнь продолжалась недолго. Вскоре напарник заметил его

постоянное отсутствие и задал вопрос. Он не стал отвечать. Просто привел его в дом и включил механизм. Напарник пытался бороться с метаморфозой, но его оружие было предусмотрительно дезактивировано. Он бился в конвульсиях, пытаясь вырваться. Но силы быстро покидали его, и вскоре он сдался. И уже никогда не жалел об этом.

Эльбрусский укрепрайон был одним из последних мест на земле, где еще жили люди. Хотя жизнь эта больше напоминала агонию, но непреодолимые скалы, минные поля и многочисленные доты успешно сдерживали натиск тяжелых боевых роботов. А дивизионы ПВО почти всегда могли прикрыть от того железа, что падало с неба. В конце концов, машины смирились с этим положением вещей и оставили людей в относительном покое. В пределах резервации они были не опасны.

Люди, получив передышку, стали думать о будущем. Все больше о том недалеком дне, когда продовольствие, поднятое в горы, закончится. Думали много, но так и не смогли ничего решить. Тяжело выбирать между быстрой смертью от снарядов при спуске и медленной от голода в горах. Хотя разведчики и доносили, что машин в предгорьях давно уже нет, но верилось в это с трудом. Люди, научившиеся за эти годы бояться и собственной тени, предпочитали ждать.

А когда вернулась очередная группа с рассказом о том, что они видели в отдаленном селе, стало ясно: машины готовят ловушку. Непонятную и от этого еще более ужасную.

Посреди огромной площади, отвоеванной у леса, стояло приземистое здание сельского клуба. Вокруг него сидели, лежали, стояли и даже парили над землей десятки тысяч роботов самых разнообразных форм и конструкций. Никелированное месиво их тел пульсировало под лучами закатного солнца. Пространство наполняли стальной скрежет и вой сервоприводов. Физически ощущалось напряжение, повисшее в воздухе...

И вдруг, разом все смолкло. А затем тишину сменил звук.

Звук, рассказывающий всему миру печальную судьбу белых цветов, забытых на холодном подоконнике.

Семидесятая свеча

Громкие звуки весёлой песни привычно прогоняли из комнаты ночную тишину. Свет ярких ламп спешил разбудить начало нового дня: «Вставайте, вставайте! Время не ждёт!» Дальше притворяться спящим было уже бесполезно, и старик открыл глаза. Шаркающие шаги потёртых шлёпанец, холодная вода умывальника, безвкусный чай — всё как всегда. Они только убрали в стену ставшую ненужной кровать. На её месте, нарушая стандартный уют, появился шкаф с одеждой. Старика приглашали на прогулку.

Скучавший у лифта охранник остановил его, но, коснувшись сканером татуировки на запястье, натянуто улыбнулся и сам нажал на кнопку нужного этажа: «Желаю хорошо отдохнуть, только долго не гуляйте — на улице холодно». «Спасибо, меня уже предупредили».

Перед последней дверью поста не было. Старик остановился сам, пытаясь унять бешеный галоп сердца. Он не хотел, чтобы волнение испортило первые секунды свидания с миром. Но всё же сжимавшие стальную ручку пальцы слегка дрожали, когда через тонкую щель в подъезд ворвалось золото утреннего солнца. Старик смотрел на него опьяневшими от счастья глазами, и по морщинистой щеке бежала искорка забытой радости. Подняв седую голову, он увидел небо. По нему, как в детстве, проплывали загадочные бригантины. Ветер надувал их белые паруса, и они, догоняя солнце, лёгкой

тенью опускались к ногам старика. Он пошёл по этим небесным островкам навстречу воспоминаниям. В этом городе прошла вся его жизнь. Каждое место, даже изменившееся за долгие годы, было ему знакомо. Подросшие тополя склоняли свои рыжие головы в ответ на улыбку. Пробившаяся через потрескавшийся бетон трава мягко принимала каждый его шаг. Разбитый фонарь, покачиваясь, жалобно поскрипывал, извиняясь за свой неопрятный вид. А заброшенный подвесной мостик, едва старик ступил на него, закачал волнами радости свой полуистлевший настил. Последние друзья, забытые всеми ровесники его молодости.

Уже не улыбаясь, он присел на облупившуюся краску перилл. Идти дальше не хотелось. За воротами парка бурлила бесконечная суета человеческой жизни. В этой сытой и довольной толпе тонули люди под грузом одиночества и безразличия. Жалость вызвала отвращение и ненависть. А ослепшие от блеска выгоды глаза не видели чужой боли. Там не найдётся места для маленькой сгорбленной фигурки. Ведь старость — это болезнь. В ней нет красоты и гармонии. Она смущает и пугает добропорядочных граждан, мешает их беззаботному существованию. Но появились новые люди. Справедливые и сильные, они легко нашли решение, создав спецприёмники.

Неизлечимую болезнь иногда лечат ампутацией. Старики не жаловались — они просто исчезли. Очистившееся общество однажды проснулось здоровым и молодым.

Полицейский вертолёт завис над ручьём. Пилот, вызвав по радиации «Дом Заботы», сообщал подробности: «Здесь ваш беглец. Никуда он не ушёл, просто упал с моста. Присылайте санитарную бригаду». Уже набирая высоту, он ещё раз бросил взгляд на безжизненное тело: «Воля ваша, но я бы перестал выпускать этих самоубийц. И кто придумал, что в день рождения им нужна прогулка? Лучше уж подарить что-нибудь сладкое!»

Последние слова заглушил рёв турбин, и вертолёт исчез в облаках, уже забывших, что они бригантины.

Мягкие стены реальности

Он сидел на кровати и смотрел на стену. Взгляд, полный отчаяния, скользил по мягкой обивке от одного угла к другому и обратно. Снова и снова. Почти не останавливаясь. Иногда, словно играя с кем-то в прятки, он закрывал глаза ладонями и замирал так ненадолго. Но стоило его дыханию лишь чуть-чуть успокоиться, как его руки сами опускались, и он опять начинал раскачиваться в такт беззвучной мелодии песни потерянных надежд.

Охранник закрыл глазок, отвернулся и уже собирался идти дальше, но вдруг передумал и ещё раз заглянул в палату. Рука сама потянулась к кнопке, и через мгновение в комнате отдыха санитаров взвыла сирена.

Человек в бежевом плаще прибыл в город глубокой ночью. В этом не было бы ничего странного, если бы не место его появления. Вы думаете, он выбрал вокзал, аэропорт или автостанцию? Не угадали! Он просто вылез из-под земли, открыв чугунную крышку люка теплоцентрали. Прохожие не удивлялись необычному «ремонтнику» лишь потому, что их не было. Город давно спал, и даже такси уже не тревожили покой тихих улиц. Человек огляделся по сторонам и, убедившись в отсутствии свидетелей, достал из люка увесистый свёрток. Распаковал его и неторопливыми, уверенными движениями стал что-то собирать из отдельных деталей. Через несколько минут на асфальте лежали два устройства, внешний вид которых не оставлял сомнений в том, что это оружие. Причём, весьма грозное. Незнакомец спрятал его под складками плаща, надел на голову шляпу, больше похожую на шлем и, дополнив свой костюм чёрными очками, пошёл по проспекту, ничуть не смущаясь своего чудаковатого вида. Он прошёл уже три квартала, когда вспомнил о незакрытой крышке люка. Надо было вернуться, но времени в обрез, и миссия слишком сложна!

Всего лишь одна попытка, второй может и не быть. Ладно, ничего страшного. За пару часов с люком ничего не случится. Вперёд!

А через несколько минут, когда тишина ночного проспекта уже поглотила стук его кованых сапог, к открытому люку кто-то подошёл. Не человек... Оборванный, грязный, вечно пьяный, заросший давно нечесаными волосами, он и сам уже не считал себя человеком. Бомж — это имя, фамилия и место жительства. Но даже бомжу может повезти. Сегодня он нашёл себе новый, ещё никем не занятый дом. Спустился, осмотрелся внутри. Остался доволен и, закрыв поплотнее крышку, прилёг на тёплую трубу.

Воин вернулся только под утро. Лицо обожжено, рука прострелена, одежда в крови. Но он не замечал боли. Победители имеют такую привилегию. Тревога появилась не сразу. Радость никак не хотела уступать отчаянию. Но люка нигде не было. Асфальт, кругом асфальт! Он метался по площади, не веря показаниям приборов. Разбивал кулаки о беспощадно твёрдую поверхность. И только, совсем обессилив, упал и завыл, как смертельно раненный зверь.

Вскоре подъехал милицейский «УАЗик». Когда его забирали, он не сопротивлялся. Не было ни сил, ни желания. Потом была камера. Больница. Снова камера. Какие-то люди, какие-то вопросы... Он не замечал их и не отвечал. Его били, но ему было всё равно. Его лечили, но он не понимал зачем.

Наконец, наступил финал. Палата с мягкими стенами стала его последним домом. И тогда появилась надежда. Безумная надежда на то, что во всём должен быть смысл. Он начал искать его, вглядываясь в каббалистические знаки трещин на потолке, в узоры потёртостей на искусственной коже стен. Глаза слезились от напряжения, и ему казалось, что он видит карту, на которой кто-то стёр дорогу к его дому. Ещё чуть-чуть, и он её вспомнит...

Прошли годы, прежде чем он понял, что его дом — пустая фантазия воспалённого мозга, что миражи завладели его сознанием, погрузив его в бездну. Но доктор обещал помочь вернуться в реальность. И он поверил ему.

Поверил настолько, что даже когда знаки на стене слились в надпись «Аварийный выход», он просто закрыл глаза руками. Но это не помогло. Надпись осталась на месте. Мутная волна вновь прорывала недостроенную плотину разума. Он тряс головой, отворачивался, но видение не исчезало, пытая его болью невозможного. Наконец, не выдержав, он в бешенстве бросился на стену.

В этот момент в коридоре завывала сирена. Мигающая красная лампа осветила пустую палату со странной надписью на стене: «Переход на следующий уровень».

Автор рисунка:
Александра Михасик

Александр Савостьянов

Техника совмещения

(Платограмма+Криптограмма)

Сумрачный снится сон. / Нет ни на ком вины.
Слышится сердца стук, / черти танцуют твист.
Странный скользкий стон / — к радости сатаны.
Сонный смущает слух / пьяной мегеры свист.
Стелется смутный страх / в недрах эпохи Мин.
Снова сигналият «SOS» / проклятые скопцы.
Сухо самум сыграл / жуткую песнь пустынь.
Струями скорбных слёз / топят в вине глупцы.
Силой судьбу сломал / отрок Исида Гор.
Скованный смертью сук / Сета сумел добыть.
Скальпы скорбящих скал. / Привкус вина «Кагор».
Стойких скелетов стук. / Хочется пить и пить...
Скорбный струится свет / в мёртвой стране теней.
Страшный свершился суд / долгой борьбы за власть.
Сказочный скрыл секрет / звёздный герой Персей.
Скучно смотрящий спрут / запросто мог пропасть...
Смысл сокровенных слов / мелет багдадский вор.
Стая смела сорок / кучу былых забот.
Сложены стансы снов / лавой кипящей с гор.
Струнами страстных строк / грешных бросает в пот.
...Силою ста свечей / — Солнца крылатый диск!
Снова сияет свет / — пытка для палачей!
Сколько спящих смертей / в иле придонном Стикс...
Сонный скрывает след... / Дракула — род орхидей.

Вода и кровь

Чёрные веки затмения.
Дремучий страх.
Мёртвые реки забвения.
Зыбучий прах.

В море утонет безбрачия
Аборта скорбь.
Горы законов незрячие.
Болота топь.

В сточной канаве неверности —
Любви струна.
Точно лекарство от ревности —
Ручьи вина?!

Слёзы мужские и женские,
Война полов.
Грёзы чужие развенчаны.
Стена долгов.

В споре о главном ударился
Китаец лбом.
Скоро бесправный состарился
Скиталец-бомж...

Всех увлечёт эксцентричная
Звезда волхвов.
— Грех? —
Истечёт необычная
Вода...
и кровь...

Благодарности

По традиции в конце номера мы благодарим всех, кто принимал участие в его создании. А именно: Анастасии Тушинской, Анне Мороз, Дарье Кошевой, Наталии Коденцовой, Юлии Ложкиной и Нине Гавриковой.

Контакты

Наш электронный адрес — gazeta_buk@mail.ru

Адрес нашего сайта — <http://buk-journal.ru>

Адрес нашей группы на сайте Вконтакте — http://vk.com/buk_journal

Адрес нашей страницы на сайте stihi.ru — <http://stihi.ru/avtor/gazetabuk>

Адрес нашей страницы на сайте proza.ru — <http://proza.ru/avtor/gazetabuk>

